

АЛЬТЕРНАТИВА

«Огонь пришел Я низвесть на землю,

и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»

(Евангелие от Луки, 12, 49)

Зловещее слово «фашизм», применимое на сей раз в отношении нашей страны, все чаще слетает с уст наиболее рьяных либеральных идеологов. Дело дошло до того, что один известный заокеанский наставник наших демократов — большой авторитет по части разоблачения русских национальных движений — на полном серьезе заговорил о «Веймарской России», тем самым недвусмысленно намекая на имеющие место исторические параллели. Несмотря на все профилактические работы господина Янова, русская «новая правая», в ее радикальном варианте, все таки вырвалась (пусть пока незначительно) наружу, удивляя местных либералов, беспечно уповавших на пресловутую «генетическую память» русского народа, пострадавшего некогда от германского фашизма.

Попытки запугать россиян фашистским чудовищем, похоже, привели к обратным результатам. Это особенно стало заметно после известных октябрьских событий, когда даже в провинциальных городах появились организации, представители которых гордо именуют себя национал-социалистами. Произошел какой-то резкий психологический прорыв, резкая переориентация идеалов, и самое главное, — стиля. Ностальгические переживания по семье Романовых, по Столыпину, по Белому делу, по «сытой России» постепенно начинает вытеснять жесткий, «нордический» нонконформизм с его идеалами консервативной революции и неприятием буржуазности. Столыпина и Ильина заменяют Штрассер и Муссолини, адмирала Колчака — барон Унгерн, умеренную «эволюционную» тактику — революционный энтузиазм, сентиментальную риторику — искреннее намерение «бить морды». Все это вызывает известную тревогу не только у

классических «сопливых интеллигентов», но и у тех авторитетных национал-патриотов, которые еще лет пять тому назад получали увесистые оплеухи за «фашизм» от своих либеральных оппонентов. Однако ни тем, ни другим, наверное, не приходило тогда в голову, что спустя некоторое время появится новое поколение русских патриотов, для которых обвинение в фашизме будет звучать как комплимент.

Почему либералы не любят русских фашистов — дело понятное и объяснения не требует. Реакция же умеренных «русофилов» гораздо сложнее. Здесь не только неприятие политического экстремизма, но и решительное осуждение «не совсем русской», «неправославной» ориентации наших национал-социалистов. Слишком вольное обращение с национальным наследием, наблюдаемое у последних, дает искренним «русофилам» достаточное основание для того, чтобы отшатнуться от радикальных националистов, дня которых авторитет генерала Франко порой намного выше авторитета всех российских государственных мужей. Точно так же какую-нибудь фашистскую эмблему они предпочтут всей российской геральдике. В общем, у «русофилов» немало аргументов, чтобы доказать «беспочвенность», духовную неукорененность русского национал-социалистического движения, показать его чуждость нашей национальной традиции.

Внешне аргументация «русофилов» вполне логична, а потому их позиция в отношении «фашистов» в принципе оправданна. Однако это еще не дает нам никаких оснований считать их, умеренных «русофилов», единственными выразителями русской традиции и подлинными борцами за Россию. И наоборот, все «фашистские» увлечения национал-социалистов ничуть не свидетельствуют в пользу наличия у них «антирусскости» и «антиправославности». Вот здесь мы подходим к самому важному.

В Святом писании, если кто помнит, Христос рассказывает следующую притчу. Отец посылает двух сыновей выполнить его поручение. Один из сыновей сказал: «пойду», — но не пошел. Другой сказал: «не пойду», — но пошел. По этому поводу Спаситель задает нериторический вопрос, который из двоих исполнил волю отца?

Так вот и в нашей ситуации: назвать себя православно-русским еще не значит выполнить свой долг перед Богом и Отечеством. Само намерение здесь важнее его декларации. Когда «русофил» всхлипывает по разрушенным православным храмам, то это еще не свидетельствует о его религиозной одержимости. Скорее всего мы сталкиваемся с самым банальным ностальгическим переживанием, которое ровным счетом ни к чему не обязывает: человек может вести жизнь обыкновенного современного обывателя, пользоваться всеми благами прогресса, обустроившись в мире сем и одновременно с тем умиляться при виде церковной атрибутики. Иными словами, вся православно-русская символика в данном случае будет восприниматься как обыкновенная экзотика, за которую, в общем-то, и ведется пресловутая «борьба». Патриот Владимир Солоухин, например, просто в восторге от того, что теперь на свой пышный юбилей он может приглашать именитых особ старых дворянских фамилий. Их он, судя по всему, также воспринимает как экзотических гостей, которые присутствием своим имитируют обстановку императорской России. Одним словом, таким патриотам важнее жить в атмосфере своих ностальгических переживаний, нежели на полном серьезе включаться в самую настоящую, отнюдь не романтическую, борьбу. Давно пора понять, что эти умеренные «русофилы» — особый психологический тип, для которого переживания предпочтительнее действия. Отсюда и все казусы их «борьбы» за национальное возрождение.

Другое дело — русские национал-социалисты, которые в большей степени склонны к действию, а потому выбирают именно ту атрибутику, ту символику, что по сути своей соответствуют их намерениям и адекватно отражает сам характер их деятельности. Если например, парнишка из числа «фашистов» выбрал свастику, то это нисколько не значит, что тем самым он присягает Третьему Рейху. «Русофилы», говоря в таких случаях о «чуждости» свастики русской православной традиции, просто переносят параметры собственного мироощущения на совершенно иной склад души. На самом деле для многих наших «фашистов» свастика — это знак решимости и силы, знак бес-компромиссной борьбы с врагами России. Это красноречивое свидетельство их подлинных намерений. Точно так же Третий Рейх или фашистская Италия — аналогичный знак, символ торжества национальной идеи. Подобное отношение наблюдается и к разного рода авторитетам. Помню, как один такой «фашист» собирался жечь книги Ивана Ильина. На вопрос: «за что?» — он ответил: «Соплей у него много, а для нас, русских, сейчас это очень вредно. Нам нужна решительность». Как видим, Ильина отвергают не за его «русскость», а за сентиментальность. В то же время Муссолини уважают не за то, что он был итальянским фашистом, а за те качества, благодаря которым он стал вождем своего народа. Барон Унгерн, например, привлекает национал-социалистов своей безумной храбростью и мистицизмом, в противоположность более «прозаическому» и интеллигентному адмиралу Колчаку, который, к тому же, подпитывался ненавистной буржуазной Америкой. Короче говоря, в лице русских «фашистов» мы сталкиваемся с определенным мироощущением, когда в первую очередь оцениваются реальные качества — те качества, которые необходимы истинному националисту в борьбе с врагами.

Этого не стоит забывать тем «благопристойным» патриотам, для которых «борьба за Россию» все еще привычно совмещается с либеральной умеренностью и аккуратностью. Такая «борьба» — сплошное театральное представление. И при этом очень печально, что вся эта бесплодная возня обставлена православной символикой. Ведь именно в силу такого преступного смешения либерального гуманизма с христианскими символами последние стали ассоциироваться с пацифизмом, отталкивая воинственно настроенную молодежь. Это послужило серьезным поводом ко всяким романтическим поискам «арийских корней», когда православие однозначно трактовалось как религия слабых и нерешительных. И живой иллюстрацией тому были как раз наши «благопристойные» патриоты-«русофилы», привыкшие вставать в позу христианских праведников, особенно когда дело касалось разоблачения всякого «язычества». Однако ведь смешно предполагать, будто молодой русский националист, «взывая к Перуну», является на деле служителем культа данного божества. Об этом Перуне немного знают даже высоколбые академики, так что каким же «язычником» может быть этот «фашист»? То, что он просто безбожник — это верно, но ведь и наши «Православные» «русофилы» в большинстве своем на том же уровне взывают к Христу, как тот — к Перуну. Тем не менее обращение к этому, грозному божеству опять-таки отражает намерения нашего «фашиста». Не страдай «русофилы» своим фарисейским ханжеством, они скорее всего попытались бы понять истинный настрой души этих буйных патриотов, вместо того, чтобы разыгрывать из себя праведных христиан.

Для этого им, привыкшим общаться с такими же «праведниками», как и они сами, необходимо напомнить, что Христос, придя на землю, общался в кругу мытарей и грешников. Разоблачал же Он как раз лицемерных фарисеев. И первым человеком, вошедшим в Царствие небесное, как мы помним, был распятый на кресте разбойник. Сам Бог не счел этих убогих людей безнадежными к спасению, в то время как наши «праведники» слишком самонадеянно пытаются «распределять» благодать. Русских национал-социалистов — в силу их явного или подспудного «язычества» — они уже считают откровенными врагами Православия, полагая при этом, что задачу по спасению России нужно возлагать на себе подобных, то есть на тех, кто чужд всякому экстремизму и «язычеству». В общем, в воинственном настрое русских «фашистов» ничего истинно православного эти господа не усматривают. Со своей стороны, я вижу в буйстве этих парней добрый знак, огонек надежды на грядущее православно-русское возрождение.

Вспомним древнюю легенду о том, как апостол Андрей Первозванный поставил в горах киевских крест, предсказывая будущий расцвет Православия на Руси. Как известно, наши далекие предки отличались в ту мрачную пору необычайной воинственностью и жестокостью, вызывая ужас и изумление у своих более цивилизованных соседей. Тем не менее святой апостол усмотрел в этих грубых варварах-язычниках грядущих

защитников и хранителей Правой Веры. Значит, было у наших воинственных предков некое положительное качество, которое в конце концов сделало их открытыми и восприимчивыми Священному слову. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн в своей книге «Самодержавие Духа» так характеризует древних славян: «Справедливости ради надо сказать, что современные историки отмечали и привлекательные черты славян, говоря, что они не знали ни хитрости, ни обмана, хранили древнее простодушие и простоту нравов. С пленными, оставшимися в живых, наши предки обходились дружелюбно, назначая лишь определенный срок рабства, по истечении которого пленник мог, по выбору, либо покинуть своих бывших хозяев, либо остаться с ними жить на равных правах, как вольный человек.

Свято соблюдаемый обычай гостеприимства делал славянские земли безопасными для путешественников, и хозяин головой отвечал обществу за безопасность гостя-чужеземца. Купцы тем охотнее посещали славян, что между последними не было ни воров, ни разбойников, хотя выгодной торговли в славянских землях ждать не приходилось — суровые воины не знали роскоши и не ценили золота» (Указ. соч., с. 14).

Последнее особенно важно: *«суровые воины не знали роскоши и не ценили золота»*. Можно сказать, что славяне находились в «ветхозаветном» периоде своей истории, когда особенно ценится безумная храбрость и воинственность — в сочетании с презрением к роскоши и богатству. Ведь, как мы помним, ветхозаветные иудеи под «язычеством» подразумевали в первую очередь поклонение золотому тельцу — самое презренное и опасное влечение, с которым столь настойчиво боролся Моисей. В то же время иудеи выставлены как жестокие, беспощадные воины, под руководством Самого Бога совершающие завоевания анаанских земель. В классическом библейском понимании «язычники» — это развращенные жители городов, потерявшие всякое представление о подлинной святости. Именно с ними и воюют правоверные иудеи, которых «язычники» воспринимали, наверное, как грубых варваров. Впоследствии такими вот «иудеями» стали, надо полагать, древние германцы и славяне — столь же грубые и столь же воинственные. Сегодня аналогом библейских «язычников» являются цивилизованные европейцы и американцы, а «иудействующими» воинственными «варварами» — наши национал-социалисты, которые, между прочим, страшно ненавидят либерального «золотого тельца», а равным образом и все буржуазно-демократические ценности.

Почему для принятия благодати так необходим «ветхозаветный», ночной период с его жестокостью и агрессией? Наверное потому, что известная воинственность, немислимая без опасности и риска для жизни, есть первый шаг к преодолению смерти, есть выход за пределы комфортного обывательского бытия, есть возвышенно-мистическая тяга к самопожертвованию во имя возвышенных идеалов — хотя бы во имя славы и торжества своего боевого братства. Человек, способный к

такому самопожертвованию, человек, не знающий пошлых условностей лицемерного «цивилизованного» общества, честный и открытый в своей почти первозданной красоте — такой человек открыт мистическому озарению, открыт глубинному пониманию сущности религиозного долга. И только жалкий самонадеянный обыватель, озабоченный исключительно личным благополучием, с иронией и презрением относится к любым проявлениям преданного и беззаветного служения высшим идеалам. Потому-то христианство расцвело не среди ближневосточных торгашей, а среди северных воинственных племен. И главными врагами христианства были не эти «варвары», а вполне цивилизованные евреи-талмудисты — прирожденные торгаши и неисправимые лицемерные индивидуалисты-стяжатели. Зародыш этого талмудического духа уже предвидел Спаситель, разоблачавший ханжество фарисеев и называвший народ израильский «сынами дьявола». Самому Богу понадобилось нисходить на землю, чтобы отвернуть от какого-то таинственного и жуткого преступления заблудшую израильскую овцу — негодных потомков тех воинственных правоверных иудеев.

Имеющий место «антисемитизм» русских «фашистов» вызван отнюдь не пропагандистской литературой (ведь на кого-то она совершенно не действует), а — навеян некой мистической интуицией, которая всегда присуща воинственным натурам, способным на открытые столкновения и презирающим тех, кто всегда способен на удар со спины. Типичного «жида» они усматривают, наверное, не столько в чистокровных евреях, сколько в сопливых интеллигентах, ставших символом измены и коварства.

В общем, если в России и начнется возрождение Православия, то его верными защитниками будут именно эти вот «фашисты» — сегодняшние поклонники Муссолини и Штрассера. Не все, конечно, — но из их среды. Ведь из двух разбойников, распятых вместе с Христом, один — что был по левую сторону, проклинал и хулил Спасителя, за что и попал в ад.

Другой же уверовал — и был спасен. Так вот — именно уверовавшие «фашисты» станут главной истинной опорой Православной Церкви в борьбе с сатанинскими полчищами. Ни один истинный православный пастырь не отвернется ныне от этих «фашиствующих» парней, не побежит по-фарисейски анафемствовать «язычников» и «экстремистов», а непременно пойдет им навстречу, неся божественное слово — как когда-то это делали Апостолы и прочие христианские проповедники. И не стоит нам забывать, что именно киевские князья — бывшие поклонники кровожадного Перуна — стали распространителями и защитниками Православия на Руси. Сам князь Владимир Креститель вначале был жестоким язычником — а в итоге стал святым.

Все это я говорю к тому, что Истинное Христианство таит в себе изначально воинственный дух, а не пошлый либеральный пацифизм. «Христос» с маслянистыми глазками толстовца — это выдумка Достоевского и его знаменитого коллеги. На Западе же такого приторного «христа» изобрели духовно ущербные протестанские моралисты, которые так и не поднялись выше буквального понимания богооткровенных Истин. И до сих пор навязчивый образ слащавого лжехриста частенько возникает на киноэкранах, а также почти в каждой лицемерной «модерновой» проповеди.

Представление о «приторном Иисусе» с определенных пор вообще стало научной (точнее — псевдонаучной) догмой. Эти, с позволения сказать, ученые изображают первых христиан на манер каких-то американских хиппарей, забывая при этом, что в войске римского императора было немало христиан, которые к тому же отличались еще одним великолепным качеством — преданностью кесарю. Всяческие измены и интриги исходили как раз со стороны язычников. Всякого рода пацифистские идеи и индивидуалистическая мораль распространялись адептами различных восточных культов, к которым христианство не имело никакого отношения — чего бы там ни писали современные исследователи, которые всегда были закоренелыми безбожниками, а стало быть, ничего не могли смыслить в христианстве. Установить генетическую связь между культом Аттиса и христианством мог только современный европейский филистер, который думает не о Боге, а лишь о собственной славе ученого, ради чего он и изобретает всякую наукообразную ерунду, что ныне называется «теорией». Однако именно почитатели Аттиса и подобных ему божеств вели пропаганду пацифистско-индивидуалистических идей. А таких пропагандистов в Римской империи было немало — их-то нынешние ученые и моралисты путают с первыми христианами.

Ранние христианские подвижники, анахореты, получали известность как бесстрашные воители Духа, сражавшиеся в безлюдных и мрачных пустынях с бесовскими легионами. Мужество этих старцев восхищало даже выдавших виды вояк, отчего христианство и приобретало такую популярность — именно благодаря своей духовной силе, а не расслабленности. Да и вообще, если бы христианство изначально было пропитано пацифизмом, смогли бы русские и европейцы, будучи уже христианскими народами, совершить столько завоеваний? Этого не удалось даже «воинственному» (театрально-воинственному) исламу. Сравните хотя бы, как воюют современные «воины ислама», и как воюют те же русские (в которых еще живы отголоски православного воспитания) — и вам станет все ясно.

Христианство, конечно, не приемлет показного бряцания оружием, но способствует формированию в человеке высшего духовного качества — способности к бескорыстному самопожертвованию. Истинный христианин не торгуется с Богом, а потому не требует за свой подвиг никаких «компенсаций». А что важнее для настоящего

воина — крепость духа или показная экзальтация, превращенная в фарс? Потому русские спокойно вступали в бой при численном превосходстве противника и погибали с сознанием выполненного долга. В то время как «воины ислама», привыкшие терроризировать женщин и беззащитных пугливых обывателей, вступают в бой лишь при гарантии своего численного или физического превосходства. Это хорошо известно тем, кому доводилось сталкиваться с этими азиатскими вояками.

Я не хочу чрезмерно превозносить русскую мужественность, но я твердо уверен в том, что крепость нашего духа зависит от силы Веры, и при распространении торгашеской психологии — что мы к ужасу наблюдаем сегодня,— русские превратятся в жалких рвачей, способных не на подвиги, а на пакости и гнусные преступления. А этому торгашеству сопутствует мерзкий пацифизм, именуемый гуманизмом, который ныне так часто облачают в христианские одеяния. И как ни печально, многие «православные русофилы» под «святоотеческой» внешностью зачастую прячут гуманистический душок, который и побуждает их разоблачать всяческий «экстремизм» и кричать о мире и безопасности.

А не потому ли эти «благопристойные» господа так уцепились за свое мнимое «христианство», что это позволяет им сохранять свой обывательский покой и одновременно ощущать себя праведными борцами со злом? Сегодня это очень удобная позиция для тех, кто хочет «бороться», избегая при этом риска и жертв. Достаточно лишь сослаться на христианское смирение — и ты уже вне всяких подозрений со стороны кого бы то ни было. Если не ошибаюсь, публицисты из числа таких вот святош писали о том, что русский народ потому так покорно, без сопротивлений, погибал от рук красных палачей, что он, дескать, был воспитан в духе христианского смирения, а потому и принимал такую «праведную» смерть. Во всяком случае, трепетный апологет великого русского народа придет к подобному умозаключению. Думаю, что с такой вздорной интерпретацией пора уже покончить — чтобы не возникло еще одного поколения фальшивых «праведников».

Христианство действительно требует смирения, но *смирения перед Богом*, а не перед сатаной и его слугами! Ранние христиане часто безропотно умирали, но однако же они умирали за веру. А за что умирали те русские мужики, которых как стадо баранов погнали в большевистские лагеря? Преподобный Сергей Радонежский в свое время наставлял, что можно отдать врагу и честь и богатства, но за веру каждый православный должен быть готов пролить свою кровь и идти на смерть. Так вот, разве *за веру*

умирали те самые безропотные мужики? Допустимо ли оправдывать «смирением» их бездействие, когда красные открыто глумились над православными святынями? Во времена Ивана Грозного народ бы поступил, безусловно, иначе, и вряд ли нашлись бы

тогда такие смельчаки, рискнувшие проделать в России то, что позже проделали комиссары.

Наши мужики подверглись резне уже после того, как красные вдоволь поглумились над верой. Причем, в простодушии они полагали себя *невинными жертвами*, лояльными режиму (безбожному режиму), который якобы «ошибочно» подверг их таким издевательствам. Тут было не «смирение», а безвыходность положения, когда выбирать уже не приходилось: «смиренные» мужики и не собирались жертвовать — просто приходили комиссары и без всяких объяснений угоняли их в лагерь. Так что в смерти наших «праведников» не было ничего собственно христианского.

Наверное, Бог специально допустил ужасы большевистских репрессий, дабы показать людям, насколько мерзко и глупо спасать свои бренные тела ценой гибели бессмертной души.

А теперь опять вернемся к нашим «праведно-смиренным» «русофилам». Свой политический конформизм эти господа с самого начала обосновывали пресловутым «эволюционизмом»: не надо, дескать, революций и потрясений. Эту позицию они пытались соотносить с так называемым здравым смыслом, согласно которому возродить национальную жизнь можно только в спокойных, мирных условиях. Народ якобы устал от всяких войн и революций, ему нужен покой для созидательной деятельности по возрождению отечества. Такси «эволюционной» тактике как нельзя кстати соответствует упоминавшаяся пацифистская интерпретация христианства с дурно понятым «смирением».

Вообще, многим людям свойственно проецировать свои личные намерения и переживания вовне, на общество. Когда наши мягкотелые «русофилы» говорят об уставшем народе, которому надо мирно потрудиться во славу отечества и который якобы не вынесет очередной кровопролитной борьбы, то имеют они в виду прежде всего *самих себя*. Это именно они «устали от революций», именно они хотят «мирно потрудиться», а потому стремятся избежать всяких кровопролитий. Конечно, в нашем обществе сегодня немало тех, кто солидарен с ними в подобном взгляде на жизнь. И в этом смысле господа умеренные борцы действительно отражают «чаяния народа». Но кто относится к этому, с позволения сказать, «народу»? Не эти ли праздно-безответственные обыватели, которые ради своего сытого мирного «счастья» готовы были поступиться и своей совестью, и страной, и жизнью грядущих поколений?

Получается прямо-таки парадоксальная картина: истовые борцы за духовность русского народа вступаются за мещанское благополучие безответственных обывателей, называя их при этом «жертвами режима». Можно подумать, будто после этого наш опод-личавшийся народ проникнется патриотическим чувством или станет борцом за веру. Выходит, что «русофильствующие» апологеты духовности заботятся отнюдь не о душах русских людей. Печально, когда православный патриот становится прозаическим либералом. Однако не стоит при этом забывать, что в первую очередь каждый из них свидетельствует о себе самом, о том, что для них действительно стоит на первом месте — духовность или мещанское благополучие.

Теперь понятно, почему они так не любят наших «фашистов». Не потому ли, что те призывают к борьбе, призывают жертвовать *собственным благополучием, собственной жизнью* ради высших идеалов? Понятно, что трусливый обыватель шарахается от таких призывов. И разве не то же самое происходит с «благопристойными» патриотами, которые на выручку своей духовной немощи вечно призывают «смирение» и «здравый смысл»?

Я давно уже обратил внимание на то, что реакция этих господ на многие явления жизни чисто обывательская. Так, например, русский рок они восприняли как обыкновенную бесовщину, отвернувшись от него с ханжески-«благопристойным» отвращением. Меня, честно говоря, всегда раздражала их фарисейская манера мнить себя великими праведниками и общаться только с таковыми. Ясно, что в рокерской «бесовщине» они не усмотрели ничего православно-русского. Однако если бы они, наши борцы за духовность, следовали наставлению самого Спасителя вынимать бревно из собственного глаза — прежде чем вынимать соломинку из глаза брата своего, сегодня на их стороне были бы сотни тысяч молодых людей, из числа, быть может, самых лучших.

Мои слова, наверное, покажутся им вздором. Однако, что ж тут поделаться с фарисейской логикой. Ища вокруг себя исключительно праведников, они так и не заметили, что русский рок в лучших своих образцах таил здоровый импульс жизненных сил молодежи, уставшей от фальши и лицемерия казенных «святош». Однако наши духовнички отреагировали на это в стиле брюзжащих домохозяек: слишком громко, слишком резко, слишком непонятно и совсем не «по-нашему»! Как будто молодые люди должны были на каждом углу распевать под гитару «Дубинушку» или что-то вроде «летят перелетные птицы».

А ведь в русском роке ощущалась тоска по искренности, тоска по утраченным святыням.

Лучшие песни наших рок-певцов будоражили души слушателей, призывали к бою, на прорыв из тесных рамок мира сего. Эти песни были чуть ли не отдушинами в мир иной для не знавших с детства молитв. Очевидно, либералы быстро почувствовали этот, неблагоприятный для них, настрой душ советских молодых людей. Отсюда их форсированные попытки погрузить русский рок в недра коммерции, превратив все духовные поиски в фарс, в позерство. И это им во многом удалось. Так что нашим «русософилам» пора наконец усвоить, что свято место пусто не бывает. Сейчас на очереди русский «фашизм», который также пытаются упорно обработать.

Вполне возможно, что наш национал-социализм как раз и является некой эманацией того душевного настроения, который когда-то был так характерен для русского рока. Поэтому русский «фашизм» — явление не столько политическое, сколько культурное или даже духовное. И будет бесконечно жаль, когда и это начинание превратится в фарс. Все это тем более вероятно, если у отчаянных русских парней, способных совершать подвиги, не окажется истинных духовных наставников, которые — как в былые времена, смогут благославить их на борьбу — на настоящую борьбу, а не на ту бутафорию, которую предлагают им «благопристойные» патриоты. Кто, как не эти парни, готовы будут, по завету преподобного Сергия Радонежского, пролить кровь и положить живот свой за веру? Они — надежда России. Других борцов у нас больше нет...

... Когда-то казаки — необузданные вояки и разбойники — были врагами Русского Самодержавия. Митрополит Иоанн пишет, что война для них была ремеслом, то есть эти люди не могли жить без риска и опасностей. Впоследствии же те из них, которые присягнули на верность Российскому Престолу, стали его самыми надежными защитниками. Недаром большевики так жестоко расправились с казачеством.

Это еще одно свидетельство в пользу того, что воинственность — величайшая добродетель, если она сопряжена с Духом. Воин всегда стоит на грани двух миров — видимого и невидимого,— и этим он близок иноку.

Нужно ли порицать неистовство молодых, которым невыносима пошлая обывательщина с ее убоже-скими регламентами и мещанскими добродетелями? Будет ли лучше от того, если завтра они превратятся в «смиранных» коммерсантов — алчных и чванливых? Неужели не виден в их сегодняшнем буйстве очистительный огонь, который Сам Господь низвергает на землю? '

РОЖДЕННЫЕ В БУЙСТВЕ ОГНЯ. Перспективы русского национал-социализма

Автор: Н.М. Нестеров

11.07.2011 13:55 - Обновлено 11.07.2011 14:05

Не надо бояться Огня — это наше очищение, это именно то, в чем теперь более всего нуждается Россия. Так пусть же несут его эти русские парни, пусть будет больше Огня, пусть чаша гнева Божия выльется на этот грешный мир!

Новосибирск. Февраль. 1995.